

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>
УДК [947.082:355.001.73](470.62)

Кандор Р.С.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В ПРОЦЕССЕ АДМИНИСТРАТИВНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧЕРКЕССКИХ АУЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ АУЛА ХАКУРИНОХАБЛЬ, 1887 Г.)

Кандор Руслан Султанович,

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории
ГБУ РА «Адыгейского республиканского института гуманитарных исследова-*

ний им. Т.М. Керашева», Майкоп, Россия

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

тел.: +7 (906) 438 59 89

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются события, происходившие в июле 1887 г. в черкесском ауле Хакуринохабль, в ходе реализации военной реформы в черкесских аульных обществах Кубанской области, обнажившие факт существования социально-политического противостояния внутри аульного общества. Придается большое значение изучению конкретных событий, происходивших в черкесских аульных обществах Кубанской области во время подготовки реформ, способствующих сложному процессу усиления российского влияния и сохранению гражданского порядка в черкесских аульных обществах.

Автором был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и архивные материалы, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использовался метод накопления фактического материала с последующим анализом и получением следующей, более высокой степени обобщения. Большую роль в исследовании проблемы играл и принцип историзма, позволивший рассмотреть беспорядки в ауле Хакуринохабльском в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной и социально-экономической политикой властей до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях.

В статье последовательно описаны события, происходившие во время беспорядков в ауле Хакуринохабльском, что позволило выявить роль отдельных персонажей и выдвигаемых частью аульного общества претензий к аульным властям. Автор раскрывает деятельность начальника Майкопского уезда Кубанской области по сохранению порядка в ауле Хакуринохабльском.

Автор приходит к выводу, что в ходе военной реформы в черкесских аульных обществах Майкопского уезда Кубанской области российские чиновники не учли в полной мере уже имевшийся исторический опыт проведения реформ среди черкесского населения. Игнорирование старыми аульными элитами интересов самой обездоленной части общества подтолкнуло

женщин-черкешенок, как хранительниц домашнего очага и благополучия семей, к активным действиям протеста вместе с мужчинами.

Ключевые слова: Кубанская область, Майкопский уезд, Хакуринохабль, черкесы, военная реформа, призывные списки, зависимые сословия, беспорядки, российское влияние

Для цитирования: Кандор Р.С. Особенности проведения военной реформы в процессе административно-политического строительства в черкесских аульных обществах Кубанской области (на примере аула Хакуринохабль, 1887 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 4. С. 49-59. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>.

Kandor R.S.

FEATURES OF MILITARY REFORM IN THE PROCESS OF ADMINISTRATIVE AND POLITICAL CONSTRUCTION IN THE CIRCASSIAN AUL SOCIETIES OF THE KUBAN REGION (THE CASE OF THE AUL OF KHAKURINOKHABL, 1887)

Kandor Ruslan Sultanovich,

Doctor of Historical Sciences, a chief researcher of the Department of History of the State Budgetary Institution of the Republic of Adygea «The Adygh Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerasheva», Maikop, Russia,

e-mail: kandor.ruslan@mail.ru

tel.: +7 (906) 438 59 89

Abstract

The article discusses the events that took place in July 1887 in the Circassian aul of Khakurinokhabl during the implementation of the military reform in the Circassian aul societies of the Kuban region, which revealed the existence of a socio-political confrontation within the aul society. Great importance is attached to the study of specific events that took place in the Circassian aul societies of the Kuban region during the preparation of reforms that contribute to the complex process of strengthening the Russian influence and maintaining civil order in the Circassian aul societies.

The author uses a wide range of sources on the history of the Adyghs (Circassians), which include archival materials, suggesting a comprehensive coverage of historical facts on this issue. The method of accumulation of factual material with subsequent analysis and obtaining the next, higher degree of generalization has been used. The principle of historicism plays an important role in the study of the problem, which has made it possible to consider the civil disturbances in the aul of Khakurinokhabl in dynamics from actual events in specific historical conditions in close connection with the administrative and socio-economic policy of the authorities to theoretical discussions about their causes and consequences.

The article consistently describes the events that took place during the riots in the aul of Khakurinokhabl, which has made it possible to identify the role of individual characters and claims against the aul authorities put forward by part of the aul society. The author reveals the activities of the head of the Maikop district of the Kuban region to maintain order in the aul of Khakurinokhabl.

The author comes to the conclusion that in the course of the military reform in the Circassian aul communities of the Maikop district of the Kuban region, the Russian officials did not fully take into account the already existing historical experience of reforms among the Circassian population. Ignoring the interests of the most disadvantaged part of society by the old aul elites, pushed Circassian women, as guardians of the hearth and well-being of their families, to take active actions of protest together with men.

Keywords: the Kuban region, the Maikop district, Khakurinokhabl, the Circassians, military reform, draft lists, dependent estates, unrest, the Russian influence

For citation: *Kandor R.S. Features of military reform in the process of administrative and political construction in the Circassian aul societies of the Kuban region (the case of the aul of Khakurinokhabl, 1887) // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 4. P. 49-59. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-49-59>.*

Во второй половине 80-х гг. XIX в. наступает новый этап реформирования административного управления на Кавказе и для отечественной исторической науки актуальной задачей становится исследование опыта реализации этих реформ, состояние мусульманских аульных сообществ и их отношение к устанавливаемым нововведениям. Актуальное значение имеет и изучение конкретных событий, происходивших в черкесских аульных обществах Кубанской области во время подготовки административных, судебных, военных реформ, способствующих сложному процессу усиления российского влияния и сохранению гражданского порядка в черкесских аульных обществах. В этом отношении научный интерес вызывают события, происходившие в июле 1887 г. в черкесском ауле Хакуринохабль, обнажившие факт существования социально-политического противостояния внутри аульного общества.

Тема исторического опыта формирования Российской империи и интегрирования в российское гражданское общество народов, состоящих в ее подданстве, всегда была интересна историкам. Большое этнографическое и географическое разнообразие Российской империи являлось очевидным и важным признаком российской имперской идентичности, и новая перспектива реорганизации

этого многообразия, по мнению М. Басина, могла проходить только внутри единой стандартизированной структуры имперского гражданского порядка или «гражданственности». «Население империи во всей полноте теперь характеризовалось как единое гражданское общество, – пишет М. Басин, – в котором каждый индивид был гражданином, наделенным одинаковыми фундаментальными правами и обязанностями. Такое видение гражданского общества складывается в России с конца XVIII века, однако получило публичный импульс только в 1860-е годы как часть Великих Реформ. Первоначально целью этой радикальной программы социальной и политической интеграции (включения) были недавно освободившиеся крепостные крестьяне, но в последующие годы сфера применения расширилась – и в нее было также вовлечено местное не русское население на окраинах империи» [1, p. 56–57]. Принятие российских государственных (национальных) принципов было бы невозможно достичь через диктат или принудительное насаждение, в отличие от естественного выбора и добровольного согласия, которое формировалось на основе мирного воздействия образа «русского примера». Эти тонкости были отражены в различиях терминов «русификация» (“Russification”) и «обрусение» (“Russianisation”). По мнению ученого,

резко контрастируя с взглядом нерусских субъектов империи, проект «обрусения» предполагал национальную однородность всего имперского населения и полное растворение нерусских элементов в доминирующем русском ядре. И этот процесс не обязательно должен был привести к полному исчезновению существовавших нерусских традиционных этнических или родовых предпочтений, но фундаментальная приверженность прошлому была бы решительно и с готовностью подчинена новой общей идентичности, определенной с точки зрения имперского гражданства [1, p. 57].

В свою очередь, В. Бобровников, один из признанных отечественных исследователей истории ислама в Российской империи, указывает на ключевое влияние эпохи российских реформ конца XIX – начала XX в. на процесс вовлечения мусульманского населения в социально-политическую, культурную жизнь Российской империи. И русские консерваторы, и мусульманские реформаторы настаивали на том, что совершенствование управления мусульманами сделали бы империю более однородной. «В действительности они предлагали трансформировать империю в национальное государство, – отмечает В. Бобровников. – Но предпосылки такого государства искали в различных «национальных традициях» – либо у турецких мусульман, либо у православных великороссов. Новый сценарий имперской власти, разработанный в соответствии с критериями Александра III и Николая II (1894–1917 гг.), проектировал государство как унитарного российского господина покорившего меньшие народы и способствующего распространению русской православной культуры среди нерусского населения («обрусения»)» [2, p. 220].

Вместе с тем, отечественный кавказовед Б.М. Джимов, исследуя особенности развития общественного строя адыгов (черкесов) в XIX в., обратил внимание

на целый ряд ярких страниц борьбы трудящихся масс черкесских аулов против социального и национального угнетения, в которой он видел консолидацию с освободительной борьбой трудовых масс России [3, с. 146–147]. В конце XIX в. на фоне растущего малоземелья, массового разорения и обнищания жителей аулов происходит обострение социально-политических противоречий внутри черкесских аульных обществ. Наиболее распространенные формы протестной борьбы простых черкесских масс выражались в саботировании выполнения распоряжений российских властей и аульных старшин, протесты и жалобы на действия аульных администраторов. По мнению Б.М. Джимова, наивысшим проявлением усилившейся классовой борьбы в пореформенный период явилось волнение в июле 1887 г. жителей аула Хакуриновский Майкопского уезда. «Причиной восстания послужило угнетение крестьян, – отмечал Б.М. Джимов, – и ограничение их прав местными властями и аульской верхушкой. Во главе крестьян стояли представители народа, некоторые служители духовенства и зажиточные слои общества, которые были знакомы с общественно-политическим движением в России и под его влиянием выступали против несправедливости существующего строя. Поводом к выступлению крестьян послужило обсуждение призывных списков и принятие по ним решения на собрании аульчан, состоявшемся 3 июля 1887 г.» [3, с. 156].

Наряду с этим, нельзя не обратить внимание и на интересный подход к рассмотрению событий, происходивших в ауле Хакуринохабль летом 1887 г., сделанный в работе А.К. Чеучевой, когда проводится сравнение оценок современников этих событий – начальника Майкопского уезда ротмистра Соколова и Хаджи Зачерия Брантова, жителя аула Пшизова, сохранившиеся и зафиксированные письменных источниках. «Активными

участниками восстания оказались хакуринохабльские женщины, – отмечает А.К. Чеучева. – Мужская часть населения не оказывала никакого сопротивления женщинам и не осуждала их поведение. Эта отличительная черта восстания подчеркивается в обеих версиях изложения событий» [4, с. 114]. Начальник Майкопского уезда был убежден, что активность женщин была спровоцирована подстрекательскими проповедями муллы Муссы Аутлева и возвращающимися из Турции хакуриновцами. В изложении этих же событий Хаджи Зачерием Брантовым не говорится о каком-то подстрекательстве к неповиновению властям со стороны мусульманских священнослужителей. Более того, когда общественный порядок в ауле был восстановлен, женщины, участницы беспорядков в Хакуринохабле, просили прощения у главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта Дондукова-Корсакова. «Отвечая на вопрос, почему они выступают против службы мужчин в царской армии, – дополняет А.К. Чеучева, – они ответили, что всегда безотказно служили царю, а если мало мужчин-всадников, то женщины присоединятся к ним, но солдатскую службу отвергают» [4, с. 116]. Автор исследования, точно указала на то, что беспорядки в Хакуринохабле произошли на фоне обострения ситуации общего недовольства черкесского населения своим тяжелейшим экономическим положением, резким разрастанием в народе эмигрантских настроений, ощущением нестабильности и возрастающим недоверием к решениям представителей российской власти в уездах и аульских правлениях. «Процесс адаптации адыгов к новым реалиям был сложным и неоднозначным, – заключает А.К. Чеучева, – что приводило к волнениям среди адыгского населения. Одним из таких событий стали волнения в ауле Хакуринохабль, произошедшие в 1887 г., которые отразили все проблемы адаптации жизни адыгов к

реалиям Российской империи, специфику конкретной исторической эпохи и происходившие в ней изменения» [4, с. 117].

Однако до настоящего времени отечественной исторической наукой не раскрыта в полной мере тема причин и характера беспорядков в ауле Хакуринохабльском, и, прежде всего, нет последовательного описания фактических событий, позволявшего выявить роль отдельных персонажей и выдвигаемых частью аульного общества претензий к аульным властям. Не раскрыта до конца и роль гражданских уездных властей в трудном процессе урегулирования возникшего конфликта, оценки ими причин беспорядков или возможных их организаторов.

Автором был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и архивные материалы, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Использовался метод накопления фактического материала с последующим анализом и получением следующей, более высокой степени обобщения. Большую роль в исследовании проблемы играл и принцип историзма, позволивший рассмотреть беспорядки в ауле Хакуринохабльском в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях в тесной связи с административной и социально-экономической политикой властей до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях. В ходе раскрытия проблемы автор следовал принципу системности научного познания, воспринимая объект исследования как целостную систему с присущими ей законами развития.

В мае 1886 г. Российский император Александр III повелел заменить натуральную воинскую повинность горцев Кубанской области небольшим денежным налогом. 17 апреля 1887 г. это Высочайшее повеление было объявлено жителям аула Хакуринохабльского. И

вскоре после получения предписания начальника Майкопского уезда старшина аула Хакуринохабльского Хаджибий Меретуков на общественном сходе объявляет составленный сословной комиссией аула призывной список молодых людей и предлагает утвердить его составлением приговора аульного схода. Однако представители домохозяйств высказались за то, что подпишут этот общественный приговор только в том случае, если подобные же приговоры будут утверждены на сходах близлежащих черкесских аульных обществ. 26 мая 1887 г. старшина Хаджибий Меретуков вновь предложил жителям аула подписать этот приговор, и около 100 старейшин Хакуринохабльского и Мамхеговского аулов, имевших право участвовать в аульных сходах, поставили свои подписи под этим приговором.

Насколько было важно для российских властей проведение процедур оформления приговоров аульных сходов можно судить по тому, что 30 мая 1887 г. начальник Кубанской области генерал-лейтенант Леонов, лично объезжая пять аулов Майкопского уезда (Адамиевский, Бгуашехабльский, Бжедуховский, Джанкятовский, Унароковский), объявляет черкесским аульным обществам распоряжение о необходимости скорейшего составления приговоров аульных сходов с призывными списками молодых горцев.

Тем временем, в ауле Хакуринохабльском сбор подписей под общественным приговором продолжался в течение последующего июня месяца. Большинство из жителей аула в это время находилось на полевых работах и можно предположить, что старшина аула, старший эфенди Анчок Нуков и кто-то из аульных доверенных лиц объезжали каждого из домохозяев и собирали подписи под этим документом. В результате таких действий к 3 июля приговор был почти готов, потому что он был подписан 330 главами домохозяйств, из числа всех

500, имевших право участвовать в аульном сходе [5, л. 43–43 об.].

Утром 3 июля старшина аула Хаджибий Меретуков находился в аульном правлении и обсуждал с доверенными лицами от аульного общества Ереджибом Шаухаковым, Туху Набсоговым, Османом Ордановым и Сургужем Пшегоновым вопрос разделения общественного стада на гурты, для более удобной организации выпаса аульного скота. В это же время в аульном правлении находились переводчик армянин Андрей Каспаров, аульный писарь Федор Смирнов, помощник старшины Сагид Догуфов и муртазак Борок Жемадуков. В это время на улице стали слышны приближающиеся к аульному правлению крики. Шумевшая толпа молодых людей в 30–40 человек, возглавляемая жителями аула Хакуринохабльского Васитлем Емишуковым и Шоупаком Аутлевым, вошла во двор правления и, не обращая внимания на окрик старшины аула, бросилась к правлению. «Я спрашивал у толпы, что ей надо, – пояснял позднее при полицейском опросе Хаджибий Меретуков, – в это время из толпы выделился житель аула Хакуринохабльского Исхак Хуажев и крикнул, указывая на стоявшего здесь доверенного от общества Эреджиба Шувахокова (Ереджиб Шаухаков – Р.К.): «вот кого нам надо, бейте», и сам первым бросился на Шувахокова и начал его бить, а за ним вся остальная толпа бросилась на Шувахокова, начала его бить кулаками и палками; и в это время бросилась толпа на находящегося здесь старика Туху Набсогова» [5, л. 44]. Другая группа молодых людей во главе с Исхаком Хуажевым схватила в присутственной комнате правления помощника старшины Сагида Догуфова, муртазака Борока Жемадукова и начала их бить во дворе правления. Вместе с ними схватили и почетного старика Глюстана Андрухаева, подписавшего общественный приговор. Воспользовавшись поднявшейся суматохой,

старшина аула успел предложить писарю Федору Смирнову покинуть правление, и тот, выскочив в окно, беспрепятственно скрылся от толпы. Однако и на самого Хаджибия Меретукова набросились Рахуж Андрухаев, Чемгуй Сиюхов, Хапабгож Хуажев и начали его бить. Избитого и пораненного кинжалом старшину вытащили во двор правления, но при помощи кого-то из толпившихся во дворе людей старшина вырвался из рук злоумышленников и скрылся в помещениях аульного правления. Тем временем, беснующаяся толпа направилась к дому подпоручика Тугужа Хакуринова и вскоре вернулась обратно, ведя с собой старшего аульного эфенди Анчока Нукова, избитого до крови. От старшего эфенди аула требовали отдать подписанный домохозяевами аула общественный приговор об объявлении призывных списков и, получив его, толпа несколько успокоилась и вышла во двор, отпустив Анчока Нукова домой. Однако вдруг в толпе начали раздаваться крики о том, что отданный им приговор не настоящий и люди бросились искать старшего эфенди Анчока Нукова, но последнего нигде не могли найти. «Затем из толпы вошли ко мне старшине в аульное правление Исхак Хуажев и Шоупак Аутлев, – продолжал свое описание событий Хаджибий Меретуков, – и стали требовать от меня приговор, при чем грозили, что если я не выдам приговор, то меня убьют, но в это время во дворе аульного правления появился проживающий в ауле турецкоподданный Айдамир Дауров и стал увещевать толпу не бить меня, уверяя ее, что это настоящий приговор» [5, л. 45–45 об.]. На какое-то время Айдамиру Даурову удалось успокоить толпу обещанием, что он сейчас же найдет знающих и авторитетных людей, которые прочитают толпе имевшийся у них документ и сам отправился в аул Хатажукай. Толпа не расходилась и продолжала стоять вокруг правления в ожидании возвращения Айдамира Даурова, вскоре он появился в

сопровождении хатажукаевцев: Аслангирея Упчежокова, Гурижа Шемгохова, Хаджибаракая Чамокова, Цсхаджока Шаова. Находившийся в руках толпы общественный договор был прочитан вслух Аслангиреем Упчежоковым, и, казалось, вопрос был исчерпан, но вдруг в толпе вновь стали раздаваться крики о том, что отданный им приговор не настоящий. От старшины аула стали требовать «настоящий» приговор, а когда хатажукаевцы хотели вернуться домой, люди окружили их, предполагая, что Хаджибий Меретуков мог скрытно передать им настоящий текст приговора. Толпа обыскала хатажукаевских депутатов, при этом был сильно избит Цсхаджок Шаов. С этого момента, толпа стала просто бесноваться, от старшины потребовали дать присягу, что он не скрыл от них настоящий приговор или не отдал его сбежавшему аульному писарю, в противном случае угрожая убить и приехавших хатажукаевцев, и Айдамира Даурова. и самого старшину. «Я отказался принять присягу и обвинил в присутствии этих лиц, что готов умереть, нежели подчиниться толпе, – рассказывал старшина Хаджибий Меретуков, – но видя слезы и мольбы хатажукаевских жителей о том, чтобы я принял требуемую присягу и тем сохранил бы жизнь;... вынужден был этими путями успокоить толпу и предотвратить грозившее злодействие и принять пред толпой присягу на коридоре аульного правления перед Кораном и в присутствии младшего аульного эфенди Муссы Аутлева» [5, л. 46 об.]. После данной старшиной присяги, люди успокоилась и разошлась, а хатажукаевские депутаты отвели израненного старшину к его дому. Интересно, что все это время отобранный у Анчока Нукова общественный приговор находился в руках у Васитля Емишукова и позднее кем-то был уничтожен.

Начальник Майкопского уезда узнал о беспорядках в Хакуринохабле 4 июля из донесения старшины Хатажукаевского

аула, в котором говорилось о том, что днем в Хакуринохабльском ауле толпа горцев более ста человек, требуя уничтожения составленных призывных списков для отбытия воинской повинности и приговор общества об объявлении этих списков, избил старшину аула и эфенди Анчока Нукова [5, л. 1]. Ротмистр Соколов сразу же по получению донесения, сообщил о беспорядках начальнику Кубанской области, затребовал разрешение на направление от 1 Урупского конного полка команды казаков к аулу Хакуринохабльскому, а сам выехал на место происшествия. В этот же день заведующий 2 полицейским участком Майкопского уезда подпоручик Игнатъев начал производить дознание по поводу возмущения жителей аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского против распоряжения начальника Майкопского уезда о составлении призывных списков и нанесения побоев должностным лицам при исполнении ими служебных обязанностей. При производстве дознания присутствовали переводчик а. Хакуринохабльского армянин Андрей Каспаров и понятые: помощник старшины а. Хатажукаевского Магомет Керашев, состоящий при 2 полицейском участке всадник Кубанской постоянной милиции житель а. Ульского Шалох Езугов и муртазаки жители а. Хатажукаевского Беслан Нефляшев и Шалих Кубешиков (Кубешичев – Р.К.) [5, л. 43].

Из показаний жителя аула Хакуринохабльского Тлостана Андрухаева, находившегося рядом со старшиной аула, стало видно, что 3 июля ко двору правления первой подошла группа жителей аула до сорока человек, в которой особенно был заметен Васитль Емишуков, а следом подошла другая группа во главе с Трабхо Кубовым, который еще по пути следования этой группы кричал на стариков, что «этот приговор из-за них был составлен» [5, л. 48, об. 49]. Сам же Тлостан Андрухаев был избит толпой у

ворот правления, но смог вырваться из ее рук и укрылся в своем доме. Другой потерпевший эфенди Ереджиб Шаухаков (Яхутль эфенди – Р.К.) показал, что его избивали дважды, при том из карманов его одежды вытащили серебряные часы и общественные деньги. В первый раз Ереджиба Шаухакова от ударов нападавшей толпы бросился защищать Бирамкуль Хакуринов, что дало возможность старейшине укрыться в комнатах аульного правления. Но вскоре Ереджиба Шаухакова толпа вновь выволокла во двор правления и начала избивать, а когда он потребовал вернуть украденные у него часы и общественные деньги, Даунез Куваев нанес ему сильный удар палкой по голове, после которого Ереджиб Шаухаков упал без чувств на землю. Очнулся он уже у себя дома, куда его перенесли соседи-аульчане.

В рамках проводимых процедур дознания подпоручик Игнатъев собрал и выслушал почетных стариков Хакуринохабльского и Мамхеговского аулов вместе с аульными эфенди Исмаилом Ордановым, Сагидом Тлефцежевым, Мосом Аутлевым (Муссой Аутлевым – Р.К.), Ибрагимом Бетмитовым, Ереджибом Шаухаковым и Али Ашхамаховым. На этом собрании присутствовали и понятые от Хатажукаевского аула, приехавшие с подпоручиком Игнатъевым, и понятые от аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского: Хусейн Коблев, Мерзан Ешугаев, Тлостан Андрухаев и Бирамжи Ешкуатлев. Выступавшие на собрании старики заявили, что они не отказываются ни от отбытия воинской повинности, ни от денежного сбора, взамен воинской повинности и всегда готовы выполнять распоряжения начальства и подписали этот приговор «со своего доброго согласия». Однако, как мусульмане, они все равно находились в сомнении религиозного своего права давать приговор в объявлении призывных списков. «Что же касается до возмущения и произведенных

беспорядков жителями их аулов, – отмечали старейшины, – то они старики сами об этом весьма сожалеют, участниками же себя в этом деле не признают, так как все это дело сделали молодые люди аулов Хакуринохабльского и Мамхеговского» [5, л. 47, об. 48].

9 июля 1887 г. ротмистр Соколов сообщает начальнику Кубанской области о том, что в Хакуринохабльском ауле порядок восстановлен без использования военной силы [5, л. 15]. Главная задача, которую необходимо было решить начальнику уезда, состояла в восстановлении порядка в аульном обществе, имеющем более 500 дворов, и в недопущении повторения неуспокоившейся толпой новых беспорядков. Прежде всего, ротмистр Соколов назначил вместо раненого и больного старшины Хаджибия Меретукова другого человека, числившегося кандидатом на замещение этой должности. Затем был созван общеаульный сход, на котором ротмистр Соколов объявил жителям аула предписание начальника Кубанской области, полученное 4 июля 1887 г., о разверстке военного налога на все горское население «подымно», т.е. на все домовладения аула. «Когда мною было замечено успокоительное влияние всего объявленного на общество, – писал ротмистр Соколов, – я обратился к обществу с окончательным вопросом – раскaiваются ли они во всем произошедшем и подчиняется ли оно добровольно требованиям, выраженным в Высочайшем Повелении 28 мая 1886 года... Общество единогласно отвечало мне раскаянием и полною готовностью подчиниться требованиям Высочайшего Повеления, добровольным взносом раньше других аулов военного денежного налога взамен натуральной воинской повинности, как только о времени взноса денег будет объявлено обществу распоряжением начальства» [5, л. 39, об. 40]. Замеченное начальником Майкопского уезда позитивное изменение состояния жителей аульного

общества, собравшихся на сходе, как оказалось, было связано и с распространяемым в ауле мнением, что составленные посемейные и призывные списки с словным разделением жителей указывали на то, что раньше всех к натуральной воинской службе будут привлечены освобожденные от крепостной зависимости крестьяне, соответственно, якобы каждая семья включенная в призывные списки будет оплачивать свою часть воинского налога из собственных средств. И этим объяснялось то, что большая часть участников беспорядков были наиболее обездоленными жителями аула Хакуринохабльского.

По мнению начальника Майкопского уезда ротмистра Соколова в ходе произведенных в а. Хакуринохабльском следственных действий можно было говорить о том, что главными организаторами, подстрекателями произошедших беспорядков были мулла Мусса Аутлев и бывший старшина аула юнкер Хусейн Коблев. Однако виновность этих людей следствием не была установлена, потому что прямого участия в беспорядках они не принимали. Свои обвинения начальник Майкопского уезда выстраивал, прежде всего, на том основании, что в пятницу 3 июля толпа, буйствовавшая в Хакуринохабльском ауле, сначала собралась у квартальной мечети мoulлы Муссы Аутлева, якобы для совершения намаза, но не совершив его, в полном составе направилась к аульному правлению, руководимая родственниками мoulлы Муссы Аутлева: Шоупаком Аутлевым, Нехаем Аутлевым и Темтечем Аутлевым, а также женой Хусейна Коблева – Пшаш, сыном его Хаджиретом Коблевым и воспитанником Шарабатыром Хакуриновым. Причастность к беспорядкам мoulлы Муссы Аутлева ротмистр Соколов видел и в том, что Мусса Аутлев появился перед буйствующей толпой для приведения к присяге избитого старшины аула [5, л. 59, 59 об.].

Высказанные в адрес муллы Муссы Аутлева и юнкера Хусейна Коблева обвинения были серьезно восприняты в Тифлисе генерал-адъютантом Дондуковым-Корсаковым. И хотя обвинения в отношении Муссы Аутлева и Хусейна Коблева строились на расследовании, произведенном путем негласного дознания, в канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе поднимался вопрос о целесообразности принятия в отношении этих лиц мер административной высылки. Последующие события, связанные с административной реформой 1888 г. в Кубанской области и массовая эмиграция черкесов в Турцию, несколько оттянули окончательное решение в отношении виновности Муссы Аутлева и Хусейна Коблева. Однако в 1892 г. этот вопрос был вновь поставлен перед российскими чиновниками, и как видно из рапорта атамана Майкопского отдела полковника Гуниуса, он был окончательно закрыт за давностью лет и отсутствием возможности установить факты негативного воздействия на толпу Муссы Аутлева и Хусейна Коблева. «Ввиду того, что после бывших 3 июля 1887 года в а. Хакуриновском беспорядков юнкер Хусейн Коблев был назначен старшиной аула Джанкятовского, – писал полковник Гуниус, – и в какой должности и состоял до переселения в 1890 году означенного аула в Турцию, что и до беспорядков всегда отличался ревностью к службе, что доказывается получением им звания юнкер, нескольких медалей за храбрость и усердие, из коих две шейных золотая и серебряная, и что и Мусса Аутлев после беспорядков и до настоящего времени ни в чем предосудительном замечен не был, а потому в настоящее время не стоит надобность в высылке из аулов Коблева и Аутлева» [6, л. 37–38].

Таким образом, в ходе военной реформы в черкесских аульных обществах Майкопского уезда Кубанской области российские чиновники не учли в полной

мере уже имевшийся исторический опыт проведения реформ, в частности, были забыты результаты работы сословной комиссии в июне 1873 г. в черкесских аульных обществах Майкопского уезда. Тогда абадзехи восприняли расспросы по сословному делению черкесского населения, как попытку разделения их общества и покушения на равенство их прав, что и дало повод к беспорядкам в аулах. Разделение в призывных списках черкесского населения по сословному происхождению их предков сразу же породило слухи о дискриминации потомков бывших крепостных, возможной службе их в солдатах, а не в кавалерии или взимание военного налога с каждой семьи по отдельности. Поэтому не удивительно, что активное участие в беспорядках принимала наиболее обездоленная в социально-политическом и экономическом смысле часть населения аульного общества. На момент утверждения призывных списков не был известен механизм оплаты военного налога, как и размер самого платежа, и эта неопределенность еще больше усиливала страх попадания в очередную кабалу. Домашнее хозяйство бывших крепостных в большинстве своем находилось в удручающем состоянии, долгие годы они платили за свое освобождение бывшим владельцам, стараясь пережить при этом нашествие саранчи, массовый падеж скота и неурожай. Именно повторяющееся игнорирование старыми аульными правленческими элитами интересов этой части общества подтолкнуло женщин-черкешенок, как хранительниц домашнего очага и благополучия семей, к активным действиям протеста вместе с мужчинами. Хотя беспорядками был охвачен только один квартал (хабль) при Соборной мечети, находившейся в самом сердце аула Хакуринохабльского, но можно с уверенностью говорить о том, что они показали существование социально-политического противостояния

внутри и Хакуринохабльского аула, и соседних черкесских аульных обществ. Российским властям для усиления своего влияния и сохранения порядка в черкесских аульных обществах Кубанской области настоятельно требовалось

обратить более пристальное внимание на все стороны жизни черкесских аульных обществ, произвести смену поколений аульных управленцев и осуществить реформу организации деятельности мусульманского духовенства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bassin M. Geographies of imperial identity // *The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge University Press, 2006. P. 45–63.
2. Bobrovnikov VI. Islam in the Russian Empire // *The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge University Press, 2006. P. 202–223.
3. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. книжн. изд-ва, 1986. 192 с.
4. Чеучева А.К. Восстание в ауле Хакуринохабль в 1887 г.: одна история в изложении двух современников // *Вестник Адыгейского государственного университета.* 2019. Вып. 4 (249). С. 110–118.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 123.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 132.

REFERENCES:

1. Bassin M. Geographies of imperial identity // *The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge University Press, 2006. 806 p. P. 45–63.
2. Bobrovnikov VI. Islam in the Russian Empire // *The Cambridge History of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689–1917.* Cambridge University Press, 2006. 806 p. P. 202–223.
3. Dzhimov B.M. Social and economic and political situation of the Circassians in the XIX century. Maikop: the Adygh branch of the Krasnodar book publishing house, 1986. 192 p.
4. Cheucheva A.K. The riot in the aul of Khakurinokhabl in 1887: a story told by two contemporaries // *Bulletin of the ASU. Maikop,* 2019. Issue 4 (249). P. 110–118.
5. The State Archive of the Krasnodar Territory (hereinafter – SAKT). F. 454. Op. 2. D. 123.
6. SAKT. F. 454. Op. 2. D. 132.